

В убранстве усадьбы преобладала изящная каменная резьба. Тонкая работа не нарушала строгих предписаний, положенных по статусу, но ненавязчиво подчёркивала утончённый вкус хозяев. Четыре служанки вели Цзин Юньшу через парадную гостиную к крытой галерее. Передний двор был залит ярким светом фонарей. Вдруг молодой господин остановился и посмотрел на расставленные вдоль дорожки светильники в виде коленопреклонённых дев. Сделав несколько шагов к ним, он спросил:

— Это ещё что такое?

Чэнь Лян, сын управляющего Чэня, который тоже помогал вести дела в поместье, тут же почтительно пояснил:

— Их прислал господин У из Хэнаньского округа. Говорят, в Восточной столице все знатные дома от них без ума. Бронзовые нам по чину не положены, зато каменные вышли на диво изящными. С этой глыбой намучились, пока везли — всю дорогу тряслись, как бы не расколоть.

Чжили улыбнулась, поддакивая:

— И правда, господин, посмотрите, какая красота!

«Да уж, эстетическая пропасть длиною в тысячелетие...» — мысленно усмехнулся Цзин Юньшу. Он подошёл поближе и принялся разглядывать каменное изваяние. Круглое лицо, безразмерные одежды, ниточки бровей и узкие щелочки глаз. Ну и где тут красота? Ночью на такое наткнёшься — душа в пятки уйдёт. Представьте: идёте вы себе спокойно в темноте, и вдруг перед вами вырастает каменный истукан с фонарём в руках. Жуть же!

Он покачал головой:

— Завтра же найдите каменотёса, пускай переделает. Добру пропадать незачем, но чтобы никаких человеческих фигур я тут больше не видел. Нечего их в усадьбе расставлять.

Увидев, что хозяин говорит серьёзно, служанки притихли. Чэнь Лян почтительно поклонился, принимая приказание.

Заметив их замешательство, Цзин Юньшу смягчился. На самом деле он никогда не относился к ним как к бесправным слугам, просто старая привычка командовать подчинёнными иногда брала верх, делая его тон излишне резким.

— Ну правда, безвкусица же, — мягко улыбнулся он. — Наша Чжили с фонарём в руках и то стократ милее будет.

Чжили смущённо рассмеялась:

— Вечно вы, господин, шутки шутите.

С тихим смехом и разговорами они миновали Врата Встречи Весны, прошли через Сливовый дворик и вошли во Врата Отражённого Снега.

Стоило им миновать Врата Отражённого Снега и ступить в Грушевый дворик, как Цзин Юньшу замер на месте. Девушки тоже остановились и растерянно переглянулись.

— Что случилось, господин? — спросила Чжили.

Цзин Юньшу слегка нахмурился, прислушиваясь к ночным звукам.

— Странно... — проговорил он. — В такую стужу, а в моём дворе птица поёт? Причём явно не обычный воробей.

Чжихуа тоже прислушалась, а затем, сообразив, надула губы:

— Да это всё господин Цинь... — Но, поймав предостерегающий взгляд Чжили, тут же прикусила язык.

Цзин Юньшу, уловив недомолвку, сразу всё понял.

— Чжихуа, Чжиянь, Чжимо, ступайте отдыхать, — распорядился он. — А ты, Чжили, подготовь мне какую-нибудь другую комнату.

Чжихуа хотела было возразить:

— Господин... — но встретила спокойный, холодноватый взгляд Цзин Юньшу. Спорить с ним, когда он принимал решение, было бесполезно. Девушка присела в глубоком поклоне: — Слушаюсь.

Чжили прислуживала ему дольше всех. К этой рассудительной, чуткой и понимающей приличия девушке молодой господин всегда относился мягче. Она могла позволить себе сказать то, о чём другие служанки умалчивали.

— Господин, я вовсе не ленюсь, — мягко заговорила она. — Но во всей усадьбе нет спальни теплее вашей. Как ваше слабое здоровье перенесёт холод в другой комнате? — Она замялась, но всё же добавила: — Да и к тому же... даже если вы ляжете в другом месте, брат Чжун наверняка перенесёт вас обратно, как только вы уснёте.

Цзин Юньшу промолчал. Чжун И действительно был способен на такое, пререкаться с ним

было бесполезно. Хозяин усадьбы обречённо вздохнул:

— Вот так у себя дома и шагу ступить без чужой воли нельзя...

С этими словами он развернулся и направился в Сливовый дворик.

Чжили и Чэнь Лян переглянулись. Поняв, что молодой господин не сердится по-настоящему, они тихонько рассмеялись и поспешили за ним.

Дверь спальни распахнулась, изнутри хлынул поток благодатного тепла и яркого света. Чэнь Лян поспешно притворил за ними створки, оберегая комнату от уличного сквозняка. Чжиянь приняла из рук хозяина тяжёлую лисью шубу, бережно стряхнула её и повесила на деревянную вешалку.

Обойдя расписную ширму, Цзин Юньшу увидел того самого господина Циня. Лекарь вальяжно раскинулся на кушетке. На низком столике перед ним стояла бамбуковая клетка, в которой копошилась невзрачная бурая птичка. Молодой господин в пернатых совершенно не разбирался, да и эта пичуга не баловала глаз ярким оперением. Решив, что Цинь Юнван поймал её от скуки забавы ради, Цзин Юньшу попытался польстить гостю:

— И где же вы раздобыли такого воробья? Голосок у него весьма примечательный.

Лучше бы он молчал. Цинь Юнван мгновенно помрачнел. «И этот человек ещё смеет называть себя просвещённым купцом! От неотёсанного мужлана не отличишь», — сердито подумал лекарь и процедил:

— Какой ещё воробей? Это певчая кустарница! Слыхали о такой?

Цзин Юньшу понял, что опростоволосился. Он подошёл поближе и взгляделся в клетку: вокруг глаз птицы действительно тянулась аккуратная беловато-жёлтая кайма. Неловко кашлянув, он поспешил перевести разговор в другое русло:

— Ах, кустарница... Разве в наших краях они водятся?

Цинь Юнван демонстративно отвернулся, не желая поддерживать беседу. Чжили поспешила прийти на выручку хозяину:

— Господин, вы просто не знали. Недавно её привезли торговцы из Лунъю. Господин Цинь увидел её на рынке и не смог пройти мимо.

Лекарь продолжал хранить молчание. Цзин Юньшу тоже затих, робко переминаясь с ноги на ногу с самым невинным видом.

Чжили, стараясь разрядить повисшее в воздухе напряжение, с улыбкой предложила:

— Господин, на кухне как раз поспела горячая каша. Откушайте с дороги. И обязательно попробуйте соленья — я приготовила их по вашему новому рецепту.

Цзин Юньшу действительно проголодался, да и здешняя стряпня, к которой он сам приложил руку, обучая поваров, всегда казалась ему самой вкусной.

— Неси скорее, — оживился он, после чего устроился у противоположного края столика и покосился на лекаря: — Не желаете разделить со мной трапезу, господин Цинь?

Цинь Юнван смерил его холодным взглядом, молча отодвинул клетку в сторону и вытащил из стоявшей рядом аптечки замшевую подушечку для пульса. Цзин Юньшу послушно протянул руку, уложив запястье на подставку. Чжили бережно повернула широкий рукав его одеяния и незаметно кивнула Чжихуа. Та всё поняла без слов и скользнула за дверь, чтобы поторопить слуг на кухне.

Пальцы Цинь Юнвана легли на запястье пациента. Кожа молодого господина была ледяной. Лекарь нахмурился и закрыл глаза, сосредоточенно прислушиваясь к биению крови. Спустя пару мгновений он убрал руку.

— Как он, господин Цинь? — с тревогой спросила Чжили.

Цинь Юнван язвительно хмыкнул:

— Хм. Сильный упадок сил и истощение жизненной энергии. — Он вперил суровый взор в Цзин Юньшу: — Что же ты не дождался, пока окончательно себя в могилу не сведёшь, прежде чем возвращаться?

Чжили со вздохом сочувствия посмотрела на молодого господина:

— Значит... нужно менять целебный отвар, господин Цинь?

Лекарь ненадолго задумался.

— Укрепляющий настой из женьшеня и эвкоммии отменять нельзя ни в коем случае, — наконец произнёс он. — А новые предписания я составлю чуть позже и передам тебе.

Цзин Юньшу мысленно перевёл дух: слава богам, хотя бы за ужином его минует чаша с горьким зельем. Но тут он поймал на себе пристальный, изучающий взгляд лекаря.

— Должно быть, вы утомились, господин Цинь, раз поднялись в такую рань? — с улыбкой спросил он, пытаясь сгладить углы.

Ведь если в поместье и был кто-то, способный соревноваться с ним самим в любви к долговому сну, то это определенно был Цинь Юнван.

Лучше бы он этого не говорил. Лекарь с раздражением убрал подушечку обратно в ларец и сощурил глаза.

— Кое-кого бесцеремонно вытащили из тёплой постели посреди ночи, лишь бы он засвидетельствовал своё почтение вернувшемуся главе дома, — зловещим шёпотом процедил он.

Испугавшись, что мстительный лекарь от души сыпанет в его следующий отвар горького хуанляня, Цзин Юньшу поспешно замахал руками:

— Клянусь, я такого приказа не отдавал! Чжун И соврать не даст.

Цинь Юнван лишь пренебрежительно фыркнул. Подхватив ларец с лекарствами и клетку с птицей, он стремительно покинул комнату.

Только тогда Цзин Юньшу облегчённо откинулся назад и пробормотал себе под нос:

— Всего тридцать четыре года, а ворчит, словно у него досрочный климакс начался...

Стоявшая рядом Чжили недоуменно переспросила:

— Что началось, господин?

— Ничего, пустяки, — отмахнулся он.

Дорога отняла у Цзин Юньшу слишком много сил. Наскоро поужинав, он почувствовал, как на него накатывает непреодолимая дремота. Слуги принесли горячей воды, чтобы он мог согреться перед сном, после чего молодой господин забрался в постель, укутался в тёплое одеяло и мгновенно провалился в беспамятство.

Среди ночи его начал бить озноб. Холод увлёк его сознание назад, в те жуткие дни, когда он только очутился в этом мире. Снова перед глазами возник заброшенный, сквозящий изо всех щелей флигель в безвестном бедном поместье. Опустевший, заросший бурьяном двор, где не

было ни единой живой души. И он сам — избитый, изломанный, неспособный даже пошевелиться от невыносимой боли. Его самолёт взорвался в воздухе. Цзин Юньшу прекрасно понимал, что выжить в той катастрофе было невозможно, но, очнувшись посреди этих чуждых древних стен, он долго не мог осознать, где реальность, а где бред.

Голова раскалывалась. Он попытался дотронуться до лба и сразу понял, что горит в лихорадке. Но сделать ничего не мог. Сознание вновь уплыло в тяжёлое забытие. Из этого тумана его вырвало чьё-то грубое прикосновение — его трясли за плечо. Цзин Юньшу с трудом разлепил веки. В горле полыхал пожар.

Какой-то человек с глухим стуком поставил на табурет у кровати плошку с едой, от которой разило кислыми помоями.

— Жрать давай.

У Цзин Юньшу не осталось сил даже на то, чтобы приподняться. Но перед ним наконец-то был живой человек. Он попытался позвать на помощь, но из онемевшего горла не вылетело ни звука. Заметив, что пришедший собирается уходить, Цзин Юньшу, ведомый слепой волей к жизни, собрал последние крохи сил и мёртвой хваткой вцепился в подол его холщовой рубахи. Тот оторопел от неожиданности. Посмотрев на сухую, истощённую руку покойника, парень попытался разжать его пальцы, но хватка оказалась на удивление крепкой.

Перед глазами Цзин Юньшу всё плыло. Он судорожно сжимал чужую одежду, словно тонущий соломинку. Горло саднило, будто забитое раскалёнными углями. Он силился разомкнуть губы, но крик застрял где-то в груди. А за хлипким деревянным окном всю ночь выл зимний буран, свирепо сотрясая дребезжащие рамы.

Чувствуя, что его пальцы разжимают силой, Цзин Юньшу выдавил из себя хриплый, надсадный звук:

— Не... — Израненные связки отказывались повиноваться. — Не уходи... постой...

— Господин? Господин!

Кто-то настойчиво тряс его за плечо. Цзин Юньшу распахнул глаза. Комната утопала в полумраке, на стене плясали мягкие отсветы свечи. Его бережно придерживали, помогая сесть. Оглядевшись, он наконец осознал, где находится, и тяжесть мгновенно спала с его сердца. На столике тихо тлели благовония в изящной восьмигранной бронзовой курильнице, выполненной в форме черепахи на лotosовом листе. Цзин Юньшу глубоко вдохнул тёплый, пряный аромат, вытесняя из лёгких липкий остаток кошмара.

— Опять кошмар, — не спрашивая, а утверждая, негромко произнёс Чжун И.

Охранник отлично знал повадки своего господина. Одной рукой он придерживал Цзин Юньшу за спину, а во второй держал чарку с тёплым женьшеневым чаем, который в спальне всегда томился на крошечной жаровне.

Цзин Юньшу принял чарку, осушил её одним махом и облегчённо выдохнул. Вернув посуду в руки Чжун И, он тихо проронил:

— Давно они мне не снились... Побудь пока здесь.

Договорив, он бессильно опустился на подушки и отвернулся к стене.

<http://bllate.org/book/18296/1756750>